

В. П.
СВЕНЦИЦКИЙ

Сочинения

Валентин Павлович Свенцицкий

Война и Церковь

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2372375*

Аннотация

«...У духовных писателей вы можете прочесть похвальные статьи героям, умирающим на поле брани. Но сами по себе «похвалы» ещё не есть доказательства. И сколько бы таких похвал ни писалось – вопрос о христианском отношении к войне по существу остаётся нерешённым. Великий философ русской земли Владимир Соловьёв писал о смысле войны, но многие ли средние интеллигенты, не говоря уж о людях малообразованных, читали его нравственную философию...»

Содержание

I	4
II	7
III	10
IV	12
V	14
VI	17
VII	23
VIII	28
IX	32
X	36

Валентин Павлович Свенцицкий Война и Церковь

I

Кто из священников, особенно военных, не встречался с вопросом:

– В Евангелии сказано: «Не убий», «взявшие меч от меча и погибнут», «любите врагов ваших», – а вы, батюшка, молитесь о «даровании победы», благословляете убийство и войну?

И кто из священников сам не смущался этими вопросами?

В «Катехизисе» Филарета сказано:

«Вопрос. Всякое ли отнятие жизни есть законопреступное убийство?

Ответ. Не есть незаконное убийство, когда отнимают жизнь по должности, как то:

1) Когда преступника наказывают смертью по правосудию.

2) Когда убивают неприятеля на войне за государя и отечество»¹.

¹ Филарет (Дроздов), митр. Пространный христианский катехизис Православ-

И больше ни слова!

У духовных писателей вы можете прочесть похвальные статьи героям, умирающим на поле брани. Но сами по себе «похвалы» ещё не есть доказательства. И сколько бы таких похвал ни писалось – вопрос о христианском отношении к войне по существу остаётся нерешенным. Великий философ русской земли Владимир Соловьёв писал о смысле войны, но многие ли средние интеллигенты, не говоря уж о людях малообразованных, читали его нравственную философию («Оправдание добра») или «Три разговора»?

В общем, вопрос о христианском отношении к войне – *замалчивается*. Его считают «щекотливым».

В лучшем случае готовы «простить» священникам, что они по житейской слабости идут на «компромисс», благословляя войну: «Жена... дети...» В худшем случае – заподозревают с их стороны злостный обман.

Отказывающиеся «по религиозным убеждениям» от военной службы вызывают общее сочувствие: в них готовы видеть более последовательных христиан.

Заповедь «не убий» так категорична, что всякие попытки примирить её с допустимостью для христиан войны кажутся неискренней софистикой, направленной к оправданию заведомого зла.

А между тем не подлежит никакому сомнению, что Православная Церковь глубоко права в своём отношении к вой-

не.

Христианство *принципиально* войны не отрицает.

Не всякая война является злом с христианской точки зрения.

Может быть такая война, благословить которую не только не есть «компромисс», а *прямой долг Христианской Церкви*.

II

Всё самое живое, самое одухотворённое можно превратить в мёртвую букву закона.

«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 44).

Эти слова сожгли языческий мир. Ибо они были не только «заповедью», но и выражением Божественной *любви* к людям.

Так говорил Тот, Кто добровольно взял на Себя все грехи мира. Так говорили ученики Его, для которых эта любовь была не отвлечённым «правилом», а живой действительностью.

В наши дни даже здесь оказался возможен мёртвый догматизм, превращающий дух животворящий в мертвящую букву отвлечённой *догмы*.

Лев Толстой – один из самых опасных врагов Христианской Церкви.

По двум причинам:

Во-первых, он абсолютно искренен в своих ошибках.

Во-вторых, самые антихристианские его заблуждения в области теоретической и нравственной переплетаются с подлинно христианскими писаниями. В результате истина покорывает сердце, а вместе с истиной неподготовленными людьми

жадно воспринимается лживое, «упрощённое» Евангелие от Толстого, опустошающее душу, отрывающее верующих от Христианской Церкви.

Что же получается в результате?

А вот что.

Толстовские ученики не имеют *души* Толстого. Он не мог передать им своего сердца, своей совести, своего гения. Он передал им учение. Это *учение* отвергает Божественность Христа и Церковь с её таинствами, пытаясь всё заменить *заповедью* о любви и непротивлении злу.

Но живое чувство любви встречает на пути своего возрастания непреодолимые препятствия в злой, греховной нашей природе и в злой, греховной окружающей нас среде, представляющей из себя «собирательное зло», накапливавшееся веками.

Эти препятствия могут быть преодолены только соборными усилиями *Церкви*. Вот почему всякий оторвавшийся от Церкви преграждает себе путь и к заповеди о любви, понимаемой не как отвлечённое правило, а как достигнутое *состояние духа*, которое апостол определяет словами «совершенство совершенств». Не получая благодатного питания от церковного организма через таинства, человек остаётся одиноким со своими индивидуальными силами в борьбе против мирового и природного зла. В результате жизнь его замирает. И все призывы к «любви» неминуемо вырождаются в безумное «учение».

Громадная разница: сделать что-нибудь, потому что *любишь человека*, или сделать что-нибудь, потому что *надо любить человека*.

В первом случае живое чувство, во втором – «правило», «долг», «*догма*».

Живое чувство любви никогда не ошибается. Оно всегда истинно. Его «внутренняя логика» может служить проверкой для теоретических рассуждений.

«Правило», основанное на рассудке, легко может оказаться ложью, потому что достаточно одной логической ошибки в начале, чтобы в конечных выводах уйти в совершенно противоположную сторону от истины.

Ни в чём это не сказывается с такой очевидностью, как в рассуждениях «толстовцев» *о войне*.

Не любя людей по-христиански, а лишь признавая учение об этой любви, они решили вопрос о войне по букве закона, по мёртвой догме, и хотя, по видимости, как будто бы отвергая войну в принципе и отказываясь от воинской повинности «по религиозным убеждениям», исполняют заповедь о любви к врагам, – по духу, по внутреннему живому смыслу христианства искажают его настолько же, насколько являются искажением живого образа человека «восковые» фигуры в музеях.

Как же христианин должен относиться к войне, решая этот вопрос по совести и духу, а не по мёртвой догме?

III

Война – великое бедствие.

И все доказывающие невозможность для христиан участвовать в войне любят говорить об её ужасах.

Выходит так:

Оправдывающие войну не понимают, как она ужасна, – если бы понимали, тогда бы не оправдывали. И всячески силятся разбудить «чёрствое сердце» рассказами о насилиях, жестокостях и «море человеческой крови»...

Трудно измерять страдания человеческие. И право, я не берусь решать, кому больнее «ужасы войны» – Гаршину, идущему на войну «убивать»², или какому-нибудь сектанту, бросающему винтовку и отказывающемуся от воинской повинности «по религиозным убеждениям».

Но во всяком случае надо установить твёрдо:

– Принципиальный вопрос о допустимости или недопустимости войны для христианской совести не стоит ни в какой связи с различием в оценке «ужасов». Ужасы эти признают все – значит, и распространяться о них нечего.

Ведь если война допустима, то вовсе не потому, что она причиняет «одно удовольствие». И если недопустима, то во-

² *Гаршин* Всеволод Михайлович (1855–1888) – прозаик; в 1877 пошёл добровольцем на русско-турецкую войну, был ранен. Свенцицкий особенно высоко ценил его рассказ «Красный цветок» (1883).

все не потому, что люди видят, до какой степени она ужасна.

Вопрос о войне решается совсем в другой плоскости.

IV

Основная ошибка отрицающих войну заключается в том, что они считают равнозначными два совершенно неодинаковых слова:

Война и убийство.

Подставляя вместо слова «война» якобы то же самое слово «убийство», по точному слову Евангелия, объявляют всякую войну грехом, ибо убийство грех.

Но надо вдуматься, *почему* убийство грех. И тогда станет ясно, что «убийство» и «война» далеко не одно и то же.

Заповедь «не убий» дана в Ветхом Завете. И рядом с этой заповедью в том же Ветхом Завете перечисляется великое множество преступлений, за которые полагается «смертная казнь»! Совершенно ясно, что под убийством, запрещённым Богом, разумелось такое убийство, которое было выражением *злой воли* человека – его «нелюбви» к ближнему. Христос, расширив понятие «ближнего», включив в него и «врагов», естественно, расширил и содержание заповеди «не убий». Но, однако, расширил всё же на основе принципа *любви*. Убийство и с христианской точки зрения осталось грехом исключительно как нарушение всеобъемлющей заповеди о любви к ближним.

В *громдном большинстве* случаев убийство действительно является нарушением заповеди о любви, и потому мы

привыкли обобщать эту заповедь настолько, что она получила категорический характер. Мы говорим: «*Всякое убийство грех*».

Но если мы делаем ошибку в отношении *содержания* заповеди «не убий», когда придаём ей столь *безусловный* характер, то тем более усугубляем эту ошибку, когда включаем в рамки этой заповеди и *войну*, т. е. понятие, существенно отличное от понятия «убийства». В убийстве *всегда* предполагается цель: «уничтожение человеческой личности».

На войне целью является *победа*, а уничтожение жизни далеко не всегда обязательное средство для достижения этой цели.

Например, если врагу предлагают сдаться на капитуляцию, он соглашается на предъявленные требования и сдаётся – «убийства» не произойдёт, потому что «победа» будет уже достигнута.

Отсюда ясно, что в войне, как в действии, не ставящем себе целью именно *убийство* человека, вопрос об этом убийстве должен быть перенесён с абсолютной почвы на относительную. Если «убийство» грех, потому что нарушает заповедь о любви, то тем более *только та война* грех, которая нарушает этот высший принцип любви. Другими словами: *не всякая война грех, а лишь та война, которая преследует злую цель, ибо моральное значение войны определяется тем, во имя чего стремятся к победе.*

V

Второе заблуждение, тесно связанное с первым, заключается в том, что войну противопоставляют «любви к врагам», упуская из виду, что иногда война может быть неизбежным и единственно возможным проявлением деятельной любви.

Этот вопрос классически решён Владимиром Соловьёвым в «Оправдании добра».

Прочтите следующие строки:

«Смысл войны не исчерпывается её отрицательным определением как зла и бедствия; в ней есть и нечто положительное – не в том смысле, чтобы она была сама по себе нормальной, а лишь в том, что она бывает реально необходимою при данных условиях. ... Например, хотя всякий согласится, что выбрасывать детей из окошка на мостовую есть само по себе дело безбожное, бесчеловечное и противоестественное, однако, если во время пожара не представляется другого средства извлечь несчастных младенцев из пылающего дома, то это ужасное дело становится не только позволительным, но и обязательным. Очевидно, правило бросать детей из окошка в крайних случаях не есть самостоятельный принцип наравне с нравственным принципом спасения погибающих; напротив, это последнее нравственное требование остаётся и здесь *единственным* побуждением действий; никакого отступления от нравственной нормы здесь нет, а есть только прямое

её приложение способом хотя неправильным и опасным, но таким, однако, который, в силу реальной необходимости оказывается единственно возможным *при данных условиях*. Не зависит ли и война от такой необходимости, в силу которой этот ненормальный сам по себе способ действия становится позволительным и даже обязательным *при известных обстоятельствах?*»³

Другими словами, по Соловьёву, «опасный» способ действительно выразить свою любовь в данном случае заключался в выбрасывании младенцев на мостовую, с риском убить их. «Убийство» здесь не было «злою волей». В основе его лежала *любовь*, желание *спасти*. Точно так же, когда спасать из пламени приходится целый *народ*, может быть такое положение, при котором придётся употреблять меры, диктуемые *любовью*, но влекущие за собой неизбежные жертвы, без которых, *при данных условиях, обойтись нельзя*.

«Убивать людей на войне», точно так же как «выбрасывать детей на мостовую» (коль скоро иного способа *спасения* нет), – не является «самостоятельным принципом нравственности», напротив, и здесь требования любви остаются «единственным побуждением».

Таким образом, и здесь моральное содержание «злого убийства» и войны во имя спасения ближних совершенно различно. А потому заповедь «не убий» нельзя распространять и на войну, далеко не всегда противоречащую заповеди

³ Соловьёв В. Оправдание добра. М., 1996. С. 340.

любви к врагам.

VI

И наконец, третья и едва ли не самая роковая ошибка принципиально осуждающих войну заключается в том, что вопрос о войне сводят к выбору:

– Или «убий» (это идущие на войну).

– Или «не убий» (отказывающиеся от воинской повинности).

На самом же деле такой выбор совершенно не исчерпывает вопроса. Могут быть войны, при которых христианину приходится решать совсем другое, а именно вопрос:

Кого убить?

Может быть положение, при котором выбирать приходится между двумя неизбежными убийствами. Так сказать, из двух зол – выбирать меньшее.

И тогда христианин, идущий на войну, как бы говорит:

– Если это неизбежно, пусть лучше убит будет преступник, а невинный останется жив.

А отказывающийся от войны выбирает другое:

– Пусть будет убит *невинный*, а *преступник* живёт.

В самом деле, представьте себе такой пример: полк солдат защищает мирных жителей от наступающих большевиков.

И мирные жители, и защищающие их солдаты прекрасно знают, что в случае победы большевиков почти всё население будет уничтожено. Опыт прошлого делает это предпо-

ложение абсолютно достоверным фактом. После нашествия большевиков женщин находили обесчещенными и изуродованными, стариков и детей расстрелянными. При таких условиях, скажите по совести, отказ от продолжения войны можно ли назвать отказом от *убийства*? Разве полк солдат, бросивший винтовки на основании заповеди «не убий», действительно *не убил бы*? Разве солдаты, отказавшись *защитить* ни в чём не повинных людей и *тем самым* предавшие их на расправу большевиков, не явились бы *участниками* тех убийств, которые были бы совершены *чужими руками*?

Надо вооружиться всей недобросовестностью фанатически настроенной мысли, чтобы на вопрос этот ответить отрицательно. И надо совершенно погасить в своём сердце живое чувство любви и подменить его совершенно бездушной догмой, чтобы при таких условиях бросить оружие и воображать, что именно такой «отказ от военной службы» диктуется христианской любовью!

Противники войны спросят:

– Что же: воевать? Убивать?

Да, воевать, и если иначе нельзя победить – *убивать*. Потому что выбор *неизбежен*. Выбор не между «убий» и «не убий» – а между «убий» злодейски нападающих большевиков и «убий» ни в чём не повинных мирных жителей, которые будут расстреляны из большевистских винтовок.

В моральном смысле соучастник, попускающий свершиться преступлению, даже виновнее в убийстве чужими

руками, чем тот, кто делает это за свой страх и риск. Ведь убийство свершает и тот и другой, но первый рискует при этом своею собственною жизнью и берёт на себя всю ответственность за содеянное, – другой «умывает руки» и, уклоняясь от смертельного столкновения, уклоняется и от моральной ответственности.

Говорят:

– Надо любить врагов. Как же я буду убивать того, кого люблю? Если я люблю – он уже не враг. Если не враг – нельзя убивать.

Да! Надо любить врагов! Но где сказано, что *не надо* любить мирных, ни в чём не повинных жителей? А если вы будете любить и их – тогда отпадает вопрос о враге. Не потому вы должны защитить беззащитного оружием, *что должны «ненавидеть» злодея*, а потому, что у вас *нет иного способа защитить жертву*, которую вы любите по-христиански, от злодея, которого вы тоже любите по-христиански. Вы *знаете*, что убийство *неизбежно* – и только потому делаете выбор.

Умыть руки и сказать – я люблю и того и другого одинаково – это значит впасть в такой догматизм, который граничит с самым безнадежным фарисейским лицемерием. Во-первых, такая *одинаковая* любовь фактически невозможна, но если бы и была возможна – остаётся ещё, кроме любви, чувство *справедливости* – и оно должно было бы заставить сделать выбор в пользу невинной жертвы.

Нельзя отмахиваться от вопроса и говорить:

– Я знаю одно: *не убий!* Это заповедь Божия. Пусть убивает злодей – я заповеди не нарушу.

Нет, нарушишь! Потому что, сколько бы ты ни оправдался «формальной отпиской», что ты не взводил курка винтовки, значит, не убивал, – для совести, «по существу», останется непреложным, что всякий, имевший возможность защитить от убийцы и не сделавший этого, – *сам* участник убийства.

Что за оправдание, что ты «любишь врагов» и потому *не мог* убить злодея, – когда ты *мог* допустить убийство невинной жертвы? Вы вместе с злодеем убивали её – один спускал курок, другой, имея возможность *убить* преступника, не помешал ему свершить преступление.

Ссылаться на волю Божию и искать в ней оправдания своему попустительству невозможно!

Нельзя говорить:

– Я исполню заповедь «не убий» – это мой долг, – а там пусть будет воля Божия!

Ведь не без воли Божией и жизнь создаёт такие условия, при которых приходится христианам делать этот страшный выбор между двумя неизбежными убийствами. Не без воли Божией попускаются и злодейские нашествия, и конечно, не без воли Божией поднимают христиане свой меч на защиту невинных людей, точно так же как не без воли Божией некоторые отказываются «от воинской повинности». Зна-

чит, «воля Божия» не снимает с нас моральной ответственности за то или иное решение вопроса: «Как поступить в данном случае?»

На формальном основании отказывать в защите и, вместо того чтобы слушаться голоса любви, побуждающего взяться за оружие, повиноваться мёртвой букве, приказывающей его бросить, – а потом ссылаться на «волю Божию» – это значит проповедовать *моральное самоубийство*.

Итак, при неизбежности выбора между двумя убийствами вопрос сводится к тому, кого считать в данном столкновении злодеем и кого невинною жертвой. Другими словами, вопрос переносится совсем в другую плоскость. Речь идёт уже не о том, допустима или недопустима война *в принципе*, а *какая* именно война допустима. Здесь христианин стоит перед оценкой не самой войны, а тех *целей*, которые она преследует. Отсюда ясно, что христианство допускает войну во имя тех задач, которые совпадают с христианскими идеалами. В несправедливой войне «нехристианским» является не самая война, а та несправедливость, во имя которой она ведётся. И напротив, война благословляется Церковью только в той мере, в какой может быть благословенна её конечная цель.

Подведём итог.

Анализ сущности войны приводит нас к выводу, что с христианской точки зрения война не только *допустима*, но иногда может быть нравственно обязательной.

Допустима потому, что она не исключает возможности

подлинно христианской любви к врагам. И обязательна потому, что иногда она может быть единственной возможной формой для выражения деятельной любви. Это в тех случаях, когда на войне предоставляется выбор не между пролитием и непролитием крови, а между двумя неизбежными убийствами, из которых одно – убийство злодея, а другое – убийство невинной жертвы.

VII

В Евангелии есть одно трудное для толкования место, которое часто приводят противники войны и которое не исчерпывается нашими рассуждениями о войне и убийстве.

Это тот момент в Гефсиманском саду, когда Пётр отсек ухо рабу и Христос велел апостолу вложить меч в ножны, сказав: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52).

Ведь как будто бы речь шла именно о защите, да ещё о защите Невиннейшего из невинных? Так, может быть, здесь даётся абсолютное осуждение всякого «военного действия» в принципе?

Ведь апостол хотел *защищать*, а не «убивать»?

Но и здесь, как в заповеди «не убий», за буквой не видят духовной сущности слов Христа, читают – и не понимают.

Прежде всего восстановим это событие в памяти по всем Евангелиям. В Евангелии от Матфея рассказывается о нём так:

«...Вот Иуда, один из двенадцати, пришёл, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришёл? Тогда подо-

шли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его. И вот, один из бывших с Иисусом, простёрши руку, извлёк меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсёк ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть?» (Мф. 26, 47–54).

Из Евангелия от Марка:

«Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно. И, придя, тотчас подошёл к Нему и говорит: Равви! Равви! и поцеловал Его. А они возложили на Него руки свои и взяли Его. Один же из стоявших тут извлёк меч, ударил раба первосвященникова и отсек ему ухо. Тогда Иисус сказал им: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня. Каждый день бывал Я с вами в храме и учил, и вы не брали Меня. Но да сбудутся Писания» (Мк. 14, 44–49).

В Евангелии от Луки:

«...Ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: и к злодеям причтён. Ибо то, что о Мне, приходит к концу. Они сказали: Господи! вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно... Когда Он ещё говорил это, появился народ, а впереди его шёл один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошёл к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть. Иисус

же сказал ему: Иуда! целованием ли предаёшь Сына Человеческого? Бывшие же с ним, видя, к чему идёт дело, сказали Ему: Господи! не ударить ли нам мечом? И один из них ударил раба первосвященникова и отсёк ему правое ухо. Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И, коснувшись уха его, исцелил его» (Лк 22, 37–38, 47–51).

В Евангелии от Иоанна:

«Опять спросил их: кого ищете? Они сказали: Иисуса Назорея. Иисус отвечал: Я сказал вам, что это Я; итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут, – да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого. Симон же Пётр, имея меч, извлёк его, и ударил первосвященнического раба, и отсёк ему правое ухо; имя рабу было Малх. Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец? Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса и связали Его» (Ин 18, 7-12).

* * *

Не будем выхватывать отдельных фраз из рассказанных событий и превращать их в механические бездушные «правила». Постараемся шаг за шагом *воскресить* перед собой свершившееся во всём его внутреннем значении. Господь пришёл с учениками Своими в Гефсиманский сад. Он знал, что в эту ночь будет предан на распятие и смерть. Сказал об

этом и ученикам Своим.

У учеников «по-человечески» мелькнула мысль: «Защитаться».

Они сказали:

– Господи! Вот здесь два меча.

Христос отвечал:

– *Довольно.*

Он не говорил им, что мечи *не нужны*. Напротив, в слове «довольно» звучит как бы *согласие*. Но на что? На «защиту»? Дальнейшие события этого не подтверждают. Защита была отвергнута! Так для чего же было «довольно» мечей?

Ученики, утомлённые тревогой ночи, засыпают. Христос молится. Это молитва Его перед Голгофой. Душа Его скорбит смертельно. Он молится до пота кровавого. О чём молитва Его? Чтобы миновала чаша? Страданий ли «испугался» Сын Божий? О, нет! Он молился о *человечестве*, о земле, чтобы искупление её не свершалось путём Богораспятия.

«Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет».

После этих слов меч для «защиты» явно не нужен.

Но всё же он нужен для чего-то. Иначе не было бы сказано: «довольно» двух мечей. И вот в саду появляется народ. Многие вооружены. Это «обыск», «облава» на Христа и Его учеников.

Впереди всех Иуда. Воины боятся ошибиться, и потому поручено ученику-предателю дать знак. Этот знак – поцелуй. Чтобы Учитель, как «разбойник», не убежал, а подумал бы,

что, если ученик приветствует целованием, значит, бояться нечего.

Но вся обстановка явно говорит о намерениях вооружённой толпы. А слова Христа: «Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого?», – уничтожили последнее сомнение.

Апостол Пётр готов к самообороне. И когда воины хотят «возложить руки» на Иисуса Христа, он выхватывает меч и отсекает ухо рабу Малху.

И вдруг неожиданные слова:

– Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут.

Если «мечом» не надо мешать «Писанию», если оно должно сбыться *обязательно* – зачем же было одобрять апостолов, запасшихся оружием, и говорить: двух мечей достаточно?

Очевидно, эти мечи нужны были не для защиты, а для раскрытия какой-то *тайны* в учении Христа, еще не постигнутом учениками.

Если смысл события в запрещении «убивать», то ведь это давно уже было сказано заповедью «не убий».

Так что же раскрывалось *нового* в этом «мече» апостола Петра?

VIII

Перед вооружённой толпой стоял Сын Божий – Воплощённая Истина и Правда. Эту Истину и эту Правду хотели люди уничтожить *силой*.

Апостол Пётр *усумнился* в Правде и поднял меч на Её защиту.

Христос велел вложить меч в ножны не потому, что «нельзя» или «можно» убивать. К убийству и к «проблеме» *войны* всё происходящее не имело *никакого* отношения. Речь шла о тяжбе между Божественной *Правдой* и сатанинской *силой*. И Христос торжественно засвидетельствовал, что Божественная Правда победит тёмную силу.

А потому – вложи свой меч на его место.

К кому же относятся слова: «Все, взявшие меч, мечом погибнут»? К Петру? В том-то и дело, что *они прямо обращены к воинам*.

Ты, Пётр, вложи меч на его место, потому что все, подымавшие меч против Правды, погибнут от своего собственного оружия.

Мысль Христову можно передать так:

– Ты, апостол Пётр, хочешь защищать Меня, Сына Божия, высшую Правду и Истину, воплотившуюся в мире. Не делай этого. Это не нужно, ибо все, подымавшие меч против этой Правды, – погибнут.

Что именно так нужно понимать слова Христа о «погибели», особенно уясняется из тех слов, которые непосредственно за тем следуют: «Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов».

Другими словами:

– Я мог бы уничтожить своих врагов силою оружия, но они погибнут сами, потому что подняли меч против Правды.

А потому: «вложи меч свой».

Мы поняли бы Гефсиманское событие только наполовину, если бы не уяснили себе связи «меча» апостола Петра со следующими словами Христа: «Как же сбудутся Писания, что так должно быть».

Что же именно должно «сбыться»?

Только ли распятие Сына Божия? *Нет, и победа Его над поднимающими меч.* Та абсолютная Правда, которую в лице Иисуса Христа хотел защищать апостол, в историческом процессе реализуется в Церкви Христовой. «Как же сбудутся Писания» означало:

– Как же Сын Божий иначе искупит мир, как же иначе создаст Он Церковь Свою, как же иначе исполнится обетование, что врата адовы не одолеют ее?

Таким образом, в Гефсиманском саду не решался вопрос о войне, об убийстве, о защите оружием несчастных жертв, которых оружием же мучают злодеи.

Решался вопрос *о судьбе мира.* О столкновении Боже-

ственной Правды с косною силою и о том, что Божественная Правда, ставшая в мире Церковью Христовой, одержит победу, а поднимающие против неё меч погибнут от своего собственного оружия.

Но какое это имеет отношение к защите силой оружия младенца от поднятого на него меча разбойника? Какое это имеет отношение к защите силой оружия моих дочерей, которым грозит бесчестье?

Если в мире Церковь для своего окончательного торжества не нуждается в мече, то из этого не следует, что то или иное проявление зла в форме обиды или жестокости над человеком должно быть мною принято без «сопротивления». Когда *тебя* ударят в одну щёку – надо подставить другую. Но когда бьют беззащитного ребенка, и я *могу силой* защитить его, я обязан это сделать, а не подставлять его под новые удары.

По совершенно верному замечанию Вл. Соловьёва, «допускать обиду против себя самого – значит жертвовать собою, и это есть подвиг самопожертвования; допускать обиду других – значит жертвовать другими, и это уже никак не может называться самопожертвованием» («Оправдание добра»)⁴.

Но главное, что слова Спасителя «вложи меч твой» имели совсем иное назначение.

Если бы в Гефсиманском саду речь шла о судьбе челове-

⁴ Там же. С. 383.

ка Иисуса из Назарета, об убиении его злодеями, тогда мечи были бы необходимы для защиты. Но вопрос был о Божественной Правде, воплощённой в Христе и реализуемой в Церкви, о столкновении двух противоположных сил – Добра и Зла и о судьбах этого столкновения.

И потому: «вложи меч твой...»

Легионы не нужны! Должно быть показано людям, во исполнение Писания, что распинаемая Правда станет непобедимую Церковью.

Вот в чём лежит религиозный смысл гефсиманского события. А вовсе не в толстовском правиле: если на ваших глазах насилуют вашу дочь и кроме как убить насильника у вас нет иного средства спасти её, – отложите ваше оружие в сторону, потому что «взявший меч – мечом погибнет»!

Какое извращение и религиозной мысли, и религиозного чувства!

IX

Итак, в Гефсиманском саду раскрывались конечные судьбы мира. Воплощаемая в мире Правда – Церковь Христова – была непобедима, вооружённая одним оружием – Крестом, символом Голгофы.

Но исторический путь длинен. Далек не весь мир «сразу» становится Церковью. Существует мировой процесс, постепенное раскрытие Божией правды в мире. В этом процессе вне Церкви действует масса самых противоположных сил – и злых, и добрых. Церковь одни из них осуждает, другие благословляет – в зависимости от той роли, которую они играют в мировом процессе.

Как ни трудно было апостолам, говоря по-человечески, признать своих гонителей, представителей языческой власти «святою силою», в истории они сделали это по внушению свыше, руководствуясь не разумом и не чувством человеческим, а теми провиденциальными данными, которые открывались им в их духовных прозрениях.

Власть – это организованная сила, покоящаяся на определённых нормах, на законе, который является минимумом нравственности.

Эта организованная сила – необходимое условие бытия народа, ещё не организованного в духе и истине Церковью. Потому – она от Бога.

Но власть государства невозможна без вооружённой защиты. Поэтому апостолы, благословляя власть, как святую силу в историческом процессе, – тем самым благословляли и военную силу, которая служит её основой.

Если бы не было организованной законом власти, человеческое общество превратилось бы в дикую анархию, и если бы не было «войска», люди вооружились бы как разбойничьи шайки. Это было бы гибелью для мира, а значит, и для Церковного дела.

Вот почему, по апостолу, представители власти не напрасно носят меч⁵. Временное злоупотребление этим мечом не меняет положительного значения власти в историческом процессе. В принципе власть остаётся «от Бога», потому что в общем она является как бы преддверием к тому внутреннему единству, которое даётся Церковью. Если государство не может создать из людей живого организма, ибо живой организм требует не механического соединения людей, а внутреннего, духовного, мистического их соединения, что и осуществляется в Церкви, если государство не может выполнить этой высшей задачи, то всё же оно может объединить людей для совместной культурной жизни и обеспечить дальнейшее развитие общества.

Признав всякую власть от Бога, апостолы тем самым признали от Бога и вооружённую силу, являющуюся основой государственного бытия. Признали, потенциально, и войну как

⁵ Рим. 13, 4.

неизбежный исторический факт.

Церковь не нуждается в «оружии»: «вложи меч свой в ножны». Но ведь Церковь – совершенный организм, а государство – организация внешнего порядка. Оно организует людей принудительной силой. Весь мир в целом до церковной организации ещё не дорос. Мир – во зле лежит. В известном смысле это больной организм. И без участия острого ножа иногда нельзя справиться с злокачественною опухолью.

Иного способа защитить своё бытие, как только силою оружия, у государства нет.

И если признаётся добром в историческом процессе государственная организация, должна быть признана относительным добром и та военная сила, которая обеспечивает её существование.

Добром должна быть признана и война, в зависимости от тех исторических причин, которые её вызывают, и в зависимости от тех государственных целей, которые она преследует.

Таким образом, и здесь, вне Церкви, моральный смысл войны определяется конечною целью, во имя которой идёт борьба государства с государством.

* * *

Итак, из анализа заповеди «не убий» и понятия «вой-

ны» вытекает положительное решение вопроса: допустима ли война с христианской точки зрения?

Моральная оценка войны не может иметь абсолютного характера. Война может быть и добром, и злом в зависимости от целей, которые она преследует. Индивидуальная христианская совесть не должна смущаться принципиальным отношением к войне. В принципе война недопустима. Но совесть должна очень смущаться вопросом: во имя чего ведется война? Ибо если не всякая война зло, то и не всякая война добро. Христианин может принять только ту войну, цели которой могут быть благословлены Церковью.

Из анализа событий в Гефсиманском саду вытекает ненужность вооружения Церкви мечом, так как абсолютная Правда и Истина, воплотившиеся в Богочеловеке и в историческом процессе реализуемые в Церкви, – сами в себе носят все силы для своего конечного торжества. Точно так же как поднимающие против неё меч сами в себе носят залог своей гибели.

И наконец, из анализа христианского отношения к власти следует положительное отношение к войне, поскольку она является реально необходимой в историческом процессе.

Х

Многие смешивают любовь со слащавой улыбкой. Больному, всё спасение которого в ампутации ноги, вместо «жесточкой операции» давать сладенькую водицу – это не любовь!

Или, вы думаете, не было в сердце Сына Божия любви, когда Он бичом гнал торгующих из храма?⁶ Или когда Он в пламенном гневе произносил эти грозные слова: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры... Безумные и слепые!.. Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?»⁷

Да, в глазах Христа отражалась зелёная Галилея. Но в них же была запечатлена и грозная Голгофа. Да, Он трости надломленной не переломил. Но Он же проклинал негодную смоковницу и возвещал, что секира уже лежит у подножия мёртвого дерева!⁸

В Сыне Божиим была Божественная любовь, но не было слабосильной сентиментальности!

Когда-то Победоносцев писал Толстому, что они по-разному понимают Христа.

Для Победоносцева Он Муж, исполненный силы.

⁶ Ин. 2, 15.

⁷ Мф. 23, 13, 17, 33.

⁸ Мф. 12, 20; 21, 19; 3, 10.

Для Толстого – расслабленный.

Я не принадлежу к числу поклонников Победоносцева. Я считаю, что Церковь долго не оправится от того тяжёлого наследства, которое он оставил после себя в качестве обер-прокурора⁹.

Но здесь – Победоносцев был прав!

«Непротивленцы» вынули из Христа Его Божественную силу. Они подменили Его сожигающую огнём проповедь сантиментальными словами о «непротивлении злу» и великое дело – спасение мира на Голгофе – свели к простому убийству хорошего человека за то, что он проповедовал целомудрие и вегетарианство!

Выбросив душу, они в мёртвые схемы вдохнули совсем другой дух.

Христос объемлет Собой весь мир. Он всех любит... Всех призывает к Себе. Всем протягивает руку, как утопающему Петру. Но он отменяет зло и бросает в огонь мёртвый сухой.

В руках Его острая секира. Но он бережно блюдет *возрастающий мир, стремящийся к совершенству*. И не топчет ногами слабых колосьев – тем более не прикрывает этой расправы сладкой улыбкой, исполненной сознательной или бес-

⁹ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – обер-прокурор Святейшего синода (1880–1905); принципиальный противник свободного волеизъявления народа в Церкви и государстве. Свенцицкий считал, что его руками правительство «очистило почти все высшие пастьерские места не только от христиан, а просто от порядочных людей» (Свенцицкий В. Собр. соч. Т. 2. М., 2010. С. 281).

сознательной фальши.

Тот Христос, который изображается как «толстовец», отказывающийся от «воинской повинности», «не употреблявший мясного», распятый и затем, как все, даже очень хорошие умершие люди, – сгнивший, – это не наш, не христианский, не православный Христос!

Наш Христос – Муж силы.

Слова Его горят огнём негодования, когда Он обличает. Они жгут совесть, когда Он говорит о грехах. Они воскресают, когда Он одобряет нас.

Наш Христос – победитель мира. Не раб тления, хотя и честный вегетарианец, как думают толстовцы. Наш Христос – Сын Божий, воскресший и победивший смерть, искупивший страданиями Своими мир и давший нам обетование общего воскресения.

Он заповедал нам любить людей – *действительною* любовью. Нас не остановит страшный выбор, и если в грозный час эта действительная любовь подскажет нам: «Возьми меч – иного пути спасти ближнего твоего нет», – мы бестрепетно возьмём его!

Мы исповедуем, что Господь создал Церковь – и врата адавы не одолеют её. Мы знаем, что Крест – непобедимое оружие правды. Мы знаем, что насильники, поднимающие меч против неё, – погибнут.

Но если история мира приведёт нас к неизбежному столкновению с насильниками народа, мы подыдем против них

свой меч и впереди его понесём Животворящий Крест Господень!

Мы умеем жалеть несчастных. Мы готовы «оставлять долги должникам нашим». Мы готовы прощать личные обиды. Мы готовы отдать последнюю рубашку даже тому, кто требует лишнего. Но когда мы видим, как обижают ребенка или оскорбляют женщину; когда злодеи отнимают последнюю рубашку не у нас, а у нашего ближнего, когда насилию подвергаются беззащитные, слабые, несчастные и иного средства нет спасти их, как только подняв меч, – мы подыдем его не во имя своё, а во имя той действенной любви, которую заповедал нам Христос.

Для нас Христос не «смертная тварь» – а воскресший Богочеловек. И учение Его не мёртвый сборник «правил». Не отрывной календарь на каждый день.

Мы исповедуем *живого Христа*. Мы пребываем в живом общении с Ним в Церкви. И мы веруем не в мёртвые буквы, а в живой смысл Его слов.